

≈ 15 мин

В августе 1968 года — во время съезда Демократической партии в Чикаго — был миг, момент, не более пятнадцати секунд, когда накал бунтарского духа достиг кульминации. Доля минуты, миг; это случилось во вторник вечером в «Колизее», а на другом конце города, в отеле «Хилтон», шел съезд... В «Колизее» тысячи демонстрантов собирались на «Вечер-не-в-честь-неименинника Линдона Джонсона». Поскольку вечер был не в честь, счастья неимениннику, естественно, не желали.

Что-то должно было случиться в «Колизее», это «что-то случится» висело в воздухе. Накануне в Линкольн-парке была драка с полицией, и гордые лбы пострадавших украшали заляпанные кровью повязки — будто терновые венцы. Программа была в полном разгаре, когда на сцену вышел Фил Окс. Срывающимся голосом начал он петь свои песни — аудитория сто раз слышала их на разных митингах с начала шестидесятых. Только в тот вечер всё было иначе.

Он пел «В случае удачи», прекрасную и скорбную балладу, пел «Я больше не хочу маршировать», что стала гимном антивоенного движения. И в зале запылали призывные карточки, маленькие дрожащие огоньки бунта. С каждым новым огоньком ропот толпы становился громче. Окс пел «Конец войне», и, когда дошел до строчек «Чтоб кончить это всё, быть может, стоит и государству изменить», зал взорвался. Зал вопил стоя, и в этом вопле было всё: жажда справедливости, ярость, злость — на то, что их предали, на жульничества, грязь преступления. В этот миг единства, небывалый миг, многие удивлялись себе, крича это — что, может, стоит изменить государству, если

государство не хочет меняться. Крик набухал, вот уже воздуха не осталось, был один крик.

И потом всё кончилось.

Поздно ночью Окс и я стояли на Мичиган-авеню и смотрели, как у «Хилтона» разворачиваются в боевые порядки отряды национальной гвардии. Мы стояли у военного «джипа». Мы говорили.

— ДО НИХ НАКОНЕЦ-ТО ДОШЛО, — ГОВОРИЛ ФИЛ СВЕТЛО И МЯГКО, — ЭТО БЫЛО ТАМ, Я ЧУВСТВОВАЛ ЭТО. ТЫ СМОТРЕЛ НА ИХ ЛИЦА? В НИХ НЕ БЫЛО СТРАХА. Я НИКОГДА ТАКОГО РАНЬШЕ НЕ ВИДЕЛ.

Я много раз вспоминал потом тот миг в «Колизее». Вспомнил я его в апреле 1976 года, когда узнал, что Фил умер. Ему было тридцать пять лет.

Фил Окс был известен как трубадур «новых левых», как самый радикально настроенный артист шестидесятых. Он писал песни протеста, песни на злобу дня, злые песни, их пели потом все, и он был равно счастлив, исполняя их на митингах и в концертах. Его песни взывали к чувствам и при определенных обстоятельствах могли спровоцировать действия (в глубине души он надеялся, что так и будет).

Песни, под которые он рос? Элвис Пресли и другие — просто рок, и кантри, и вестерн. Он был мечтатель, одиночка, сын доктора и миссис Джэкоб Окс, рожденный в Эль-Пасо, возвращенный в штатах Нью-Йорк и Огайо. Три раза в неделю ходил в кино, забывая себя, растворяясь в экранном счастье. (Потом он как-то сказал, что в отрочестве был «обыкновенным американским оболтусом».) Политикой не интересовался. Упросил родителей определить его в Стонтоновскую военную школу — увидел в «Нью-Йорк таймс» объявление о наборе. Друзья-кадеты? Джеймс Дин и Мэкси Голдуотер, они снялись вместе для альбома выпускников, именуемого «Шрапнель». Диплом Филу вручал Голдуотер-старший, Барри¹.

В штате Огайо — там он учился в колледже на отделении журналистики — жил в одной комнате с Джоном Гловером. Именно он познакомил Окса с гитарой и политикой. (Гловер потом стал известным фолк-певцом.)

«Мой отец был коммунистом, увлекся марксизмом и я, — говорит Гловер, — вместе с Филом мы читали «Коммунистический манифест». Фил был наделен мучительным чувством справедливости и состраданием к слабым, одиноким и униженным. Книгой его юности стала «О мышах и людях» Стейнбека».

Начал писать статьи в газету колледжа. Когда предложил статью, в которой называл Фиделя Кастро одним из величайших людей века, газета от его услуг отказалась, и Фил подумал, что сможет сделать свою мысль более доходчивой и проходимой, выразив ее в песне. Так он написал свою первую политическую песню «Баллада о блокаде Кубы». С успехом исполнил ее в дуэте с Гловером в студенческом кафе.

Сделал еще несколько политических песен, тоже удачных. Бросил колледж и уехал в Гринвич-Виллидж².

В то время в Гринвич-Виллидж начинали стекаться молодые никому пока не известные авторы песен протеста — Боб Дилан, Том Пакстон, Эрик Андерсен, Питер ла Фарж, Джон Себастьян, Ричард Фаринья.

Дремотные пятидесятые кончились. Окс и его молодые друзья пели о гражданских правах, о бомбе и — уже — о Вьетнаме.

Как-то сразу порешили, что Боб Дилан — звезда, а Окс — второй, но дистанция между ними велика. (Фила это мнение бесило — кого бы не бесило? — но тем не менее он всегда оставался самым яростным защитником Дилана, называя его «величайшим поэтом среди всех нас».)

Поворотным пунктом в карьере Окса был Ньюпортский фестиваль народной музыки 1963 года. Пит Сигер заранее уговорился с Оксом, что во время выступления вызовет его из зала и попросит спеть несколько вещей. На следующий год его пригласили уже в качестве ведущего певца.

Сигер даровал молодым титул «Дети Вуди», и титул этот пришелся кстати. Да, в песнях они были последователями Вуди Гатри³, но во всем остальном — из другого племени. Гатри, Джо Хилл, Слепой Лемон Джефферсон, Тетушка Молли Джексон, Лидбелли — они сами страдали от бедности, голода, болезней, жестокости землевладельцев, шерифов и боссов. «Дети Вуди» пели о гражданских правах и Вьетнаме, но сами-то они, почти без исключения, выходцы из «белого среднего класса» и во Вьетнаме никогда не были.

Гатри любил говорить: «Вы не сможете написать стоящую песню о пыльной буре, если не побывали в ней». А это поколение молодых американцев подвергало сомнению ценности собственного класса, страдая от созерцания страданий. Это был искренний протест, но все же решимость их — и это показало время — не была необходимо твердой. Мальчишки-пророки. Красивые мальчишки. Вихри, водовороты, волнения вращались вокруг них. Их обожали, их имитировали, их награждали солидными суммами. Арло Гатри получал за один концерт больше, чем его отец заработал за всю жизнь. Их поколачивали, но не добивали. Их не боялись.

И все же именно певцы шли в первых рядах растущего движения протеста. Перед лицом таких врагов, как Линдон Джонсон и война во Вьетнаме, «Движение» сплотилось вокруг своих лидеров. Искры мятежа и страха потрескивали в воздухе.

В 1965 году Дилан начал отходить от «Движения», его песни становились неясными и личными. «Политика — чушь», — признавался он Оксу. Друзья цитируют его высказывания того времени: «Пришла очередь Филадельфии. Он может занять мое место, если пожелает». «Синг Аут»⁴ назвал Дилана дезертиром и провозгласил певцом «Движения» Окса.

В шестьдесят седьмом Окс выпустил «Радости гавани», его самый успешный альбом политических песен. Но каким бы звонким в целом альбом ни был, две песни выпадали из контекста, отражали сомнения Филадельфии. «Перечеркни мое сердце» — песня о мечте, что превращается в кошмар, о радости, которая стала мучением. «Я был с ней» — о несбывшейся надежде на любовь и красоту, о

девушке: «Я мечтал о ней; я был с ней. Я понял — она ничто».

«Фил любил эту свою песню больше всех, — говорит Майкл Окс, младший брат Фила и его бывший менеджер. — Она выражала его философию — «Всё тщетно». Это миф о Сизифе: стоит вам достичь вершины, и вы непременно скатитесь вниз и должны толкать свой камень, свое бремя к вершине вновь и вновь».

Тогда Оксу было двадцать шесть. Был женат, недолго, брак распался, и он боялся новых встреч. Дочка — она родилась в шестьдесят третьем — жила с бывшей женой в Калифорнии. Сам он кочевал между Чикаго и Нью-Йорком.

Город Чикаго вообще приобрел особое значение для Окса. В тот короткий миг в «Колизее» протестующие больше не были лояльной оппозицией; они стали жертвами. Избитые полицией, преданные, они почувствовали желание воззвать «К оружию!». Но это было лишь иллюзией, стечением обстоятельств, и вряд ли эта иллюзия могла повториться. Окс понял это, он понял, что те перемены, на которые он надеялся, не произойдут.

После Чикаго всё покатило под откос — и для «Движения», и для самого Фила Окса. К тому же он почувствовал, что творческая сила ослабевает. Стихи уже не накатывали на него будто волна, как это было раньше. Мир Фила начал дробиться, рассыпаться.

Он решил вернуться к своим музыкальным корням, к мелодиям кантри. В 1970-м дал концерт в «Карнеги-холл» — вышел на сцену в парчовом костюме и пел старые хиты Пресли и Бадди Холли. Надеялся, что его слушателям —

подчеркнем, его слушателям — эти песни понравятся, что они поймут его уважение к ним — как к определенному культурному наследию. Его высмеяли.

«Если и есть какой-то шанс для Америки, — сказал он тогда, — то этот шанс — революция», Фил считал, что, если бы удалось привлечь к «Движению» молодых рабочих, тот миг в Чикаго не был бы таким коротким.

Если бы Окс был последовательным в этой своей линии, он мог бы достичь каких-то результатов. Хотя бы как артист. Написал две отличные песни в стиле «кантри-энд-вестерн» для следующего альбома, но последняя вещь из этой пластинки носила символическое название «Нет больше песен». Он просто не мог их писать. У него больше не было темы.

Окс пытался найти себя в другом. Сдал несколько статей в лос-анджелесские «подпольные» газеты, их опубликовали, но все же это было не его делом. Попробовал себя в качестве менеджера — когда в Чили произошел переворот, Фил организовал концерт в Нью-Йорке, весь сбор от которого пошел в фонд помощи чилийским демократам.

В то время Фила начали мучить острые желудочные боли. Врачи долго не могли поставить диагноз. Фил был уверен, что у него рак. Ему понравилась эта мысль, логичность смерти: «Фил Окс, певец «Движения», умер от рака».

Война во Вьетнаме кончилась. Окс организовал еще один концерт в Централ-парке, это было летом семьдесят пятого года. Пел свою «Конец войне», собралась пятидесятитысячная толпа, толпа одобрительно шумела в такт песне, но это было лишь печальное прощальное «ура». На строчки «Чтоб

кончить это всё, быть может, стоит и государству изменить» отклика не было.

Вскоре после этого концерта врачи наконец-то определили — нет, не рак. Начали лечить, успешно. С мыслью о смерти пришлось временно расстаться, и это расставание Фила не обрадовало. Вершина была позади. Ничего уже не мог с собой поделаться, опускался, бродил по Гринвич-Виллиджу заросший, грязный, полупьяный. (У Фила была привычка бормотать строчки из своих песен. В то время он повторял одну: «И вот вам боли портрет» — это из его песни «Распятие».)

Бурные воды «Движения» успокаивались, Фил тонул. Он дал свой последний концерт — в «Фолк-сити», в зале, где когда-то впервые выступил как профессиональный артист. К концу четвертого отделения стал забывать слова. Последней спетой им песней было «Распятие» — «И вот вам боли портрет». «Я спел ее нарочно, — сказал он владельцу зала. — В один прекрасный момент вы прочтете в газетах: «Фил Окс покончил с собой в тридцать пять лет»».

В декабре он перебрался к своей сестре Сонни, школьной учительнице. Попросил приютить его на несколько дней, остался на три месяца. Проводил дни у телевизора и часами играл со своими племянниками в карты. Когда проигрывал, платил песнями. У него опять начались боли. Врач опять разочаровал — нет, не рак.

Утром восьмого апреля старший племянник, четырнадцатилетний Дэвид вышел в кухню. Увидел, что не хватает одного стула. Дверь в ванную была приоткрыта. Стул валялся на полу.

Спасти Фи́ла не удалось.

В конце мая состоялся вечер памяти Фи́ла Окса. На вечере пела Одетта, ее гитара была перевязана траурной лентой; Эбби Хоффман прислал пленку с записью слов прощания; Джерри Рубин⁵, с трудом сдерживая слезы, читал последнее письмо Фи́ла; Дэйв Ван Ронк пел «Он был моим другом»; пришел Аллен Гинзберг; пришли Пит Сигер, Эрик Андерсен, другие певцы. Шесть часов пять тысяч человек стояли и ждали, что придет Боб Дилан. Он не пришел.

ПОСЛЕ КОНЦЕРТА ВСЕ СОБРАЛИСЬ В БАРЕ В ГРИНВИЧ-ВИЛЛИДЖЕ. МУЗЫКАЛЬНЫЙ АВТОМАТ БЫЛ ЗАРЯЖЕН ГЛУПОВАТЫМИ МЕЛОДИЯМИ «ДИСКО». ВСПОМИНАЛИ СЛОВА ОКСА: «КАК МИРНО СТАЛО И КАК СКУЧНО. КОНЕЧНО, ХОРОШО, ЧТО ВОЙНА КОНЧИЛАСЬ. ТОЛЬКО, ЗНАЕТЕ, ОНА ЗАСТАВЛЯЛА ЛЮДЕЙ ДУМАТЬ».

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. Сенатор от штата Аризона, один из лидеров американских «ястребов». ↩
2. Район Нью-Йорка, где по традиции селятся артисты, художники, поэты. ↩
3. Известный исполнитель народных песен Америки 30-х годов. ↩
4. Журнал, посвящённый проблемам народной музыки. ↩
5. Эбби Хоффман, Джерри Рубин входили в «Чикагскую семёрку» (так называли руководителей антивоенной демонстрации молодежи в Чикаго во время съезда Демократической партии). В 1969 году власти США устроили судебную расправу над ними. Фил Окс выступал на суде в качестве свидетеля защиты. ↩